

Универсальное и национальное в наивной картине мира*

Изучение фразеологии на современном этапе развития лексикологии и лингвокультурологии является перспективной задачей для исследования ввиду того, что фразеология подразумевает препарирование языковых единиц на различных уровнях (структурном, историческом, когнитивном, семантическом, etc). Компаративная фразеология позволяет выявить особенности не только внутриязыкового функционирования фразеологических единиц, но и взаимодействие и взаимодополнение языковых картин мира в целом. Исследование национальной специфики семантического поля «пища» в русской и китайской фразеологии открывает широкую сферу научной деятельности вследствие недостаточной изученности тематики и востребованности практических знаний в бытовой сфере, связанной с концептом еда и приемом пищи.

Цель данной статьи – выявить универсалии и национально-культурный компонент русских и китайских фразеологизмов семантического поля *пища*.

Удовлетворение базовых потребностей человека – прием пищи, забота о внешности, воспроизведение потомства, социализация – основа нормальной, качественной жизнедеятельности. Прием пищи – это обязательная деятельность для дальнейшего роста и развития Homo Sapience. По этой причине концепт «пища» так широко представлен в языке любого народа (русск.: *тертый калач; заварить кашу; каши не сваришь; за семь верст киселя хлебать; как медом намазано; молочные реки и кисельные берега; не солоно хлебавши; первый блин комом; хрен редьки не слаще*; кит.: *样米养百样人 – люди равно едят рис, но нрав у них разный; 纸上的烧饼不充饥 – утолять голод нарисованной лепешкой; 白菜拌苦瓜 – 有苦有甜 – тыква диковинная с сахаром; 冰糖调黄瓜 – 干脆 – смешивать огурцы с леденцами; 钝刀子砍豆腐 – 净拣软的欺 – тупым ножом резать соевый творог; 好饭不怕晚 – большое достижение нужно долго готовить, как и вкусную еду; 守着多大的碗, 吃多大的饭 – какой объем у рисовой чашки, столько в ней и риса).*

Концепт *пища* имеет глубокие культурные корни. Исследователи отмечают, что объем понятия «пища» в мифологии определяется ее местом в противопоставлении «природа – культура», в котором пища нейтрализует данное противопоставление и является своего рода медиатором [1]. В разных культурных ареалах концепт *пища* несет огромный духовный потенциал, отражающий один из важных аспектов концептосферы того или иного языка.

При сравнении языковых картин мира русского и китайского народов возможно выяснить общее и различное в методе приема пищи, особенностях сервировки стола, режима питания, традиций приготовления и приема пищи, значение пищи для каждого из народов и, в частности, каким образом все

* На примере семантического поля *пища* в русской и китайской фразеологии.

вышеуказанное отражается в сознании человека посредством выражения в языке, то есть на лингвистическом уровне.

Различные картины мира подразумевают разное восприятие мира. Объединение всех существующих типов мировоззрения и мировосприятия в пределах одной картины мира является довольно сложной и подчас неразрешимой задачей, что заставляет говорить о существовании и взаимоинтеграции различных типов картин мира в рамках социума, находящегося на определенном отрезке своего исторического и культурного развития. Результат подобной интеграции называют концептуальной картиной мира, представляющей собой «обобщенное отражение наших знаний о мире» [2].

В нашем исследовании акцентируем внимание на идеальную составляющую концептуальной картины мира, а именно наивную картину мира, которая рассматривается в реальном языковом окружении – функционировании семантического поля «пища», что позволяет изучить его особенности, отраженные в конкретном языке.

Особенно интересно в этом плане сопоставление указанной группы лексики в неродственных языках, в частности, русском и китайском. Для анализа концепта *пища* нами исследовано 650 фразеологизмов семантического поля *пища* в русском языке и 450 фразеологизмов в китайском.

При описании избранных для анализа единиц мы исходим из широкого понимания фразеологии, включая в ее состав идиомы, фразеологические сочетания, пословицы и поговорки, речевые штампы, клише, крылатые выражения. Все эти типы единиц объединяются по признаку раздельнооформленности и воспроизводимости. Понимание фразеологии в широком смысле, восходящее к трудам В.В. Виноградова, предполагает изучение устойчивых фраз разных структурных типов, обладающих различными семиотическими функциями. Собственно фразеологизмами, по определению В.Н. Телия, понимаются «семантически связанные сочетания слов и предложений, которые в отличие от сходных с ними по форме синтаксических структур не производятся в соответствии с общими закономерностями выбора и комбинаций слов при организации высказывания, а воспроизводятся в речи в фиксированном соотношении семантической структуры и определенного лексико-семантического состава» [3].

Как уже отмечалось, *пища* – многослойный концепт, который включает конкретные названия отдельных блюд и продуктов, а также символические архетипические образы с сакральным смыслом. Как показывает исследованный материал, к доминантным русским концептам с национально-специфической окраской, входящим в макроконцепт «пища», относятся такие, как *хлеб, блины, каша, квас, кисель, мед, пироги, щи, уха*; к китайским – *рис, лапша, лепешки, пельмени, соевый творог, чай*.

К ближайшей периферии в русском языке относятся наименования региональных продуктов питания, отражающие национально-культурный компонент: *муромский калач*; историзмы: *бодряшка, вараховица, гороховики*.

Выделяется группа названий продуктов питания, которые соотносятся с праздниками, известными событиями, наиболее известными и распространенными из которых являются религиозные обряды (например, в христианстве обряд причащения хлебом и вином). В русском языке примерами таких наименований являются: *каравай, кулич, пасха*; в китайском языке – *весенние лепешки* с мясной или овощной начинкой, которые выпекали к празднику *Чистого света* (Цинмин); *лунные лепешки* – лепешки круглой формы до 30 см в диаметре, выпеченные из сероватой (цвета лунного сияния) пшеничной или рисовой муки с добавлением сахара и различных специй – миндаля,

кунжутного семени, тыквенных семечек¹, на поверхности которых изображали популярные лунные символы; сваренные на пару пельмени *цзунцзы* («рогатое просо») с начинкой из клейкого риса и различных приправ, завернутых в листья бамбука, напоминающие по форме бараньи рога, которые готовили на главный летний праздник *Истинной середины* (5.05) [4] и др.

Во фразеологических оборотах отражается специфика культуры и обычаев народа. В русской культуре одним из важнейших этнокультурных концептов является *хлеб*. Не случайно Ю.С. Степанов относит данный концепт к константам русской культуры, получившим широкое распространение в фольклоре, древних ритуалах, фразеологии, художественной литературе и живописи. Как отмечает исследователь, «хлеб у русских – больше, чем пропитание, он – символ пропитания». Во Франции, в Испании нищие просят «на чашечку кофе», у нас – «на кусок хлеба» [5]. Русские говорят *хлеб всему голова; не лошадь ведет, а хлеб; хлеб греет, не шуба; худ обед, коли хлеба нет; не будет хлеба, не будет и обеда*. В тяжелых обстоятельствах русские вдохновляют друг друга выражением *и то хлеб!* – то есть хорошо, что есть хоть это, когда нет возможности получить больше.

В то же время роль и значение хлеба трудно осмысливаются в китайской культуре, где люди считают главным блюдом, основой национальной кухни *рис*. Выращивание заливного риса стало наиболее примечательной чертой китайской цивилизации, в которой, как в фокусе, отразились все стороны жизненного уклада и все главные жизненные ценности китайцев: любовь к труду, неистощимое терпение, доверие к жизненным силам природы [6].

Как отмечают исследователи, выращиванием заливного риса в Китае занимаются с древнейших времен. Раскопки, проведенные в деревне Хэмуду (провинция Чжэцзян), свидетельствуют о том, что рис в этом районе возделывался уже семь тысячелетий назад, а одно из первых письменных упоминаний о рисе содержится в «Книге песен» – «Шицзин», созданной в эпоху Западной Чжоу (XI в. – 771 г. до н.э.).

В Китае были известны более двадцати сортов риса. По традиции различались одиннадцать видов клейкого и двенадцать видов неклейкого риса, ранние и поздние сорта [6, с. 38].

Значимость риса находит отражение в китайском языке, литературе и мифологии. Для китайцев рис является символом жизни, пропитания, всего самого необходимого для человека. Завтрак по-китайски *早饭*, буквально переводится как «ранний рис»; обед – *午饭*, или «полуденный рис», а ужин *晚饭* означает «поздний рис».

В китайском языке с компонентом *рис* образуются многие фразеологизмы и пословицы: *手中没把米, 叫鸡鸡不来* – если в руках нет риса, не сможешь прокормить даже курицу; *身无挂体衣, 家无隔宿粮* – человек без одежды, дом без риса – «очень бедный»; *丰年珠玉, 俭年谷粟* – когда богатая жизнь, тогда можно купить драгоценности, когда бедная жизнь, дороже всего – рис. *Драгоценность* – игрушка, *рис* – жизнь.

Фразеологизмы с компонентами *хлеб* и *рис* в русском и китайском языках сопрягают три доминантных концепта человеческого бытия – *жизнь, пища и труд*. Трудолюбие положительно оценивается как в русской, так и в китайской культурах, труд приносит достаток и богатство в дом: русск. *полюби Ан-дреевну (соху), будешь с хлебом; работные дети отцу хлебы; кто без ус-*

¹ По легенде, лунным лепешкам приписывалась особая роль в избавлении Китая от монгольского владычества.

тали работает, тот без хлеба не бывает; там хлеб не родится, где кто в поле не трудится; кто трудиться рад, тот будет хлебом богат; кто толчет, тот и хлеб печет; кит. **不劳动者不得食** – если ты не трудишься, то не получишь вознаграждение. При этом в русском языке актуализируется сема 'очень тяжелый' (труд), связанный с потом и слезами: *мужик работает плачущи, а собирает хлеб скачущи; потом добытый хлеб и черствый сладок*, ср. библейское изречение: «Хлеб будете добывать в поте лица своего».

В китайском языке в силу того, что культура заливного риса требует особо бережного отношения к посевам, огромного трудолюбия, терпения и целеустремленности, акцентируется внимание на количестве вложенного труда, а также времени, затраченном на выращивание риса (работу): кит. *рис половину времени растет в руке земледельца*; **不种百顷地, 难打万石粮** – кто не обрабатывает 1000 земель, тот не может получить 10 000 кг риса; **不冷不热, 五谷不结** – чтобы собрать урожай, нужно целый год терпеть жару и холод (букв. чтобы собрать урожай, нужно ждать весну, лето, осень и зиму); **好难不吃分家饭, 好女不穿嫁时衣** – целеустремленный человек не живет подавляемыми риса, а сам себя кормит. В китайской, как и в русской культуре, труд земледельца заслуживает большого уважения: – **粥一饭, 当思来处不易** – беречь рис, уважать труды другого.

Характерно, что хлеб и рис в русском и китайском языках символизируют заработок, профессию: *иметь кусок хлеба в руках* – «овладеть какой-либо профессией». В китайском языке о человеке, который потерял работу, говорят: **打破了饭碗** – разбилась его тарелка с рисом. Неблагодарность по отношению к тому, кто оказал гостеприимство и расположение, и в русской, и в китайской лингвокультурах осуждаются: русск. *забывать хлеб-соль*; *хорош тот, кто поит да кормит, а и тот не худ, кто хлеб-соль помнит (спасибо тому, кто поит и кормит, а вдвое тому, кто хлеб-соль помнит)*; *кто хлебом кормит, тому и песенку пой*; кит. **吃人家半碗, 被人家使唤** – кто дает нам есть рис, того мы должны слушать и служить этому человеку; **吃着谁, 向着谁** – помоги тому человеку, который дает нам рис. В китайской культуре труд земледельца также связан с культурной памятью: **吃饭忘记种田人 – 忘本** – есть рис, но забывать, кто земледельец (букв. не помнить своих корней).

В русской и китайской культурах порицается лень, использование результатов чужого труда: русск. *свой хлеб слаще чужого калача*; *чужой калач приедчив, а свой хлеб спор*; ср. *есть чужой хлеб* «бездельничать, лениться, жить за чужой счет», *легкий хлеб* «легкий способ заработать»; кит. **等天上掉馅饼 – 坐享其成** – с неба пирожок ждать (букв. сидеть сложа руки и пользоваться результатами чужого труда).

В китайской паремиологии зафиксированы сочетания парных образов *рис и дрова* (= огонь), которые являются символами домашнего очага, хозяйства и восходят к древним мифам о происхождении «кухни» (огня и вареной пищи); в то же время символом дружбы выступают *спиртное и закуска*: кит. *есть рис и дрова – супруги, а нет – расходятся по сторонам*; **柴米夫妻, 酒肉朋友, 盒儿亲戚** – между супругами – рис и хворост, между друзьями – спиртное и закуска, между близкими родственниками – подарок.

Приготовление пищи в китайской культуре рассматривается как искусство, требующее большого опыта, знаний, мастерства и терпения, в силу чего может сопоставляться с выполнением ответственного и значительного дела:

好饭不怕晚 – *большое достижение нужно долго готовить, как и вкусную еду.* В русской и китайской культурах получает одобрительную оценку человек, обладающий знаниями, способный профессионально выполнять сложную работу: русск. *щелкать как семечки*; кит. **巴掌心煎鸡蛋 – 巧手** – *жарить яичницу на ладони* (букв. мастер на все руки).

Специфика китайской картины мира проявляется также в том, что в китайской фразеологии человеческий труд связан с мудростью: **不经厨子手，难得无味香** – *только благодаря мудрости человека работа приобретает смысл, как и еда приобретает аппетитный вкус благодаря мастерству повара*, а также обращается внимание на ответственность, которую несет человек за выполненную работу: **吃得轻担的重** – *независимо от того, легкая или тяжелая работа, мы должны нести за нее ответственность*; **吃不了，兜着走** – *если блюдо не съели, то можно с собой взять. Если будет проблема – нужно принимать на себя ответственность за ее решение.*

В концептах *опыт, мудрость* представлена общекультурная бинарная оппозиция *молодой – старый*, которая отражена как в русской, так и в китайской фразеологии: русск. *молоко на губах не обсохло*; *мало каши ел*; кит. **小鬼不曾见过大馒头** – *молодежь еще никогда не видела большую пампушку* (букв. недостаточность кругозора).

В русском и китайском языках лексико-семантическое поле *пища* регулярно взаимодействует с концептом *здоровье*, поскольку в древности профессии повара, лекаря и фармацевта нередко совмещались. В фразеологии рассматриваемых языков выделяются единицы, которые репрезентируют такие концептуальные признаки, как красота, хорошее самочувствие: русск. *кровь с молоком*; кит. **春茶尖儿 – 又鲜又嫩** – *кончик весеннего чая* (букв. *свежий и нежный*). В китайской наивной картине мира отмечено значительное количество фразеологизмов, в которых поощряется умеренность в еде, что является залогом здоровья, мудрости и долголетия: **饱食伤身，忠言逆耳** – *есть вредно для здоровья, даже если тебя доброжелательно уговаривают*; **饱食终日，无所用心** – *если думать только о еде, то ума не будет в голове*; **病从口入，祸从口出** – *причина болезни – неправильное питание, а причина беды – неосторожные слова*; **不干不净，吃了没病** – *когда принимаешь еду по мере надобности, то серьезно относишься к гигиене, т.к. если организм не сопротивляется, то человек может легко заболеть*; **吃饭不知饥饱，睡觉不知颠倒，说话不知深浅** – *кто ест не в меру, спит и говорит без конца, не знает житейской мудрости*; **吃饭少一口，睡觉不蒙首** – *много кушать – вредно для здоровья, как и спать с закрытой головой*; **吃惯了嘴，跑惯了腿** – *привык к обжорству и развлечению – попал в неволю.*

Проанализированный материал позволяет выделить единицы, в которых одна и та же ситуация в русском и китайском языках выражена эквивалентными или близкими по значению языковыми средствами: русск. *не отведав горького, не узнаешь и сладкого* – кит. **吃过黄连的人，才知道蜜糖的甜** – *кто узнал*

вкус горького, тот вспоминает сладкий вкус меда в значении «только тот, кто прошел через тяжелые испытания, знает разный вкус жизни».

В другую группу входят единицы, в которых одна и та же (или аналогичная) ситуация представлена различными языковыми средствами, что обусловлено национально-культурными особенностями интерпретации действительности: русск. *искать блох* в значении «выискивать мелкие недостатки, погрешности» и кит. *豆腐里寻骨头 – 吃毛求疵* – *искать кость в соевом твороге*; русск. *сам заварил кашу, сам и расхлебывай* – кит. *自酿苦酒自己喝* – *сам изготовил горькую водку, сам и пью* (букв. сам сделал зло, сам и принимай); русск. *каша во рту* «невнятное произношение» – кит. *含着骨头露着肉* – *мясо во рту*; русск. *носить воду в решете* в значении «делать напрасную работу» – кит. *炊沙作饭 – 劳而无功* – *варить пищу из песка*; русск. *за семь верст киселя хлебать* «без надобности отправляться в дальнюю дорогу» – кит. *百里不贩樵, 千里不贩桑* – *не торгуй хворостом за сто километров, не торгуй рисом за тысячи километров*.

Отмечены случаи, когда «пищевые» образы могут использоваться в двух языках для выражения противоположных значений: русск. *седьмая вода на киселе* (дальнее родство) – кит. *吃稀饭泡米汤 – 亲上加亲* – *есть жидкую кашу и запивать рисовым супом* (близкое родство).

Заключение. Таким образом, концепты пищи, функционирующие в русской и китайской фразеологии, содержат большой пласт национально-культурной информации. Они реально отражают культурную жизнь народа, являются богатым источником материала для успешного диалога культур.

Национальные картины мира, отраженные во фразеологии рассмотренных языков, сходны в общечеловеческих аспектах интерпретации концепта *пища*, однако выявляют национально-культурную специфику, что обусловлено отражением в неродственных языках конкретного опыта познания окружающей действительности представителями различных культур.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Топоров, В.Н.** Еда / В.Н. Топоров // Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С.А. Токарев. – М., 1988. – Т. 1. – С. 427–429.
2. **Новикова, Н.С.** Многомирие в реалии и общая типология языковых картин мира / Н.С. Новикова, Н.В. Черемисина // Филологические науки. – 2000. – № 1. – С. 45.
3. **Телия, В.Н.** Фразеологизм / В.Н. Телия // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 559.
4. **Малявин, В.В.** Повседневная жизнь Китая в эпоху Мин / В.В. Малявин. – М.: Молодая гвардия, 2008. – С. 153.
5. **Степанов, Ю.С.** Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю.С. Степанов. – М.: Шк. «Яз. рус. культуры», 1997. – С. 204.
6. **Малявин, В.В.** Китайская цивилизация / В.В. Малявин. – М.: Изд-во Астрель, 2000. – С. 36–37.

S U M M A R Y

An attempt to define the universals and national specificity of Russian and Chinese phraseological units of the semantic field «food» is made in this article. Specificity of macro concept «food» and of concerned dominant concepts «life», «work», and «health» in pre-scientific worldview of unrelated languages is determined. It is proved that concepts of food which function in Russian and Chinese phraseology contain a great deal of national and cultural information. National worldviews which are reflected in phraseology of these languages are similar in universal aspects of interpretation of concept food but they determine national culture specificity what is caused by reflection of certain awareness experience of social realm by representatives of different cultures in unrelated languages.

Поступила в редакцию 6.11.2009